

ПРЕДИСЛОВИЕ

Читателя, взявшего в руки эту книгу, написанную одним из крупнейших российских психологов XX века Львом Семеновичем Выготским, ждет поистине увлекательное, хотя и не простое интеллектуальное путешествие в мир психологии. Путешествие, наполненное многими открытиями, неожиданными обстоятельствами и... определенными трудностями! Как и всякое путешествие, успех которого зависит от предварительной подготовки, неискушенному в психологии читателю следует вооружиться некоторыми исходными данными об этой замечательной книге. Именно этой цели и служит настоящее предисловие.

Книга «Мышление и речь» была впервые опубликована в 1934 году как результат теоретических и экспериментальных исследований автора в области соответствующих психических процессов. Несмотря на солидный, почти вековой возраст данной работы, она не превратилась в окаменелый памятник истории психологической науки советского периода. Очередное переиздание книги «Мышление и речь» свидетельствует о неугасающем интересе к тем открытиям, которые сделаны ее автором, о живости высказанных им идей.

Лев Семенович Выготский (1896–1934) — поистине знаковая фигура не только отечественной, но и мировой психологии. Человек, проживший короткую по нашим меркам жизнь — чуть менее 38 лет, сумел создать новый проект психологической науки в целом. На его основе ученому удалось разработать многие области данной дисциплины: от психологии искусства — до психологии обучения детей с аномалиями в развитии психики. Позже этот проект будут называть

в отечественной психологии «культурно-исторической теорией» или «культурно-исторической психологией», а за рубежом — ассоциировать с «марксистской психологией». Важно понять, что проект психологии, предложенный Л. С. Выготским, разработан не как частная теория, призванная объяснить какой-то ограниченный набор психологических феноменов. Он носит фундаментальный характер, предлагая особый взгляд на психику человека и ее механизмы в целом.

Л. С. Выготский предложил оригинальную альтернативу доминировавшим в психологии начала XX века представлениям о человеке как о заложнике бессознательного, чье поведение, по сути, иррационально (фрейдизм) или как о схожем с животными организме, многообразии жизненных проявлений которого сводится к поведенческим реакциям на стимулы внешней среды (бихевиоризм).

В чем же основные идеи культурно-исторической психологии? Л. С. Выготский предлагает воспринимать психику не как статичное явление, а находящееся в постоянном развитии — филогенетическом и онтогенетическом. Основываясь на философских идеях К. Маркса и Ф. Энгельса, он утверждает, что тип психики, которым обладает человек, является продуктом особой линии эволюционного развития человеческих существ (антропогенеза), отличающейся от линии эволюции остального животного мира. С появлением орудийной деятельности и языка происходит дистанцирование человека от природы, а его дальнейшее развитие приобретает исторический характер. Начинает накапливаться социальный опыт и вырабатываются культурные формы поведения, которые передаются из поколения в поколение. Причем эта передача реализуется не через генетическую программу, а посредством прижизненного усвоения

человеком социокультурного опыта («окультуривания», по Л. С. Выготскому) через обязательное взаимодействие с другими людьми. На основе этого «окультуривания» исходно эволюционно обусловленная психика человеческого существа меняется, приобретая качества, отличающие ее от психики животных.

Л. С. Выготский вводит представление о низших (натуральных) и высших (культурных) психических функциях. Низшие психические функции есть и у животных, и у человека. Они биологически обусловлены и не поддаются волевому контролю. Их развитие не нуждается в «окультуривании», т. е. не требует использования культурных средств — систем знаков (языковых, математических, графических и т. п.) В ходе индивидуального развития низшие психические функции естественным образом созревают, будучи тесно связанными с общим развитием организма. К этим функциям можно отнести ощущение, непреднамеренное восприятие, механическую (непроизвольную) память, непроизвольное внимание, наглядно-действенное («ручное») мышление и др.

Так называемые высшие психические функции свойственны исключительно человеку. Они социально обусловлены и вне общества у человека не формируются, поддаются волевому контролю — человек может ими управлять. Их развитие осуществляется в процессе овладения культурными средствами (знаками), сначала — в форме внешнего действия, которое затем переходит во внутренний план, и становится высшей психической функцией. К этим функциям относят такие процессы, как преднамеренное восприятие, произвольные внимание и память, понятийное мышление, речь и др.

К примеру, ребенок, у которого не сформированы понятия числа и мыслительные операции сложения и вычитания чисел, сначала научается внешнему действию сложения и вычитания, оперируя доступными ему объектами — камешками, монетками или специальными палочками для счета. Эти конкретные объекты, замещающие абстрактные числа, становятся знаками чисел и используются в качестве культурных средств ребенком, при помощи которых он овладевает собственным процессом мышления. По мере развития ребенку становятся доступными более сложные знаки — математические символы и слова, обозначающие числа и операции с ними. Данными видами знаков можно оперировать уже не только в форме внешнего действия — проговаривая или при помощи письменной записи, но и во внутренней форме, умственной. В процессе обучения внешнее действие постепенно трансформируется во внутреннее умственное действие.

Такое весьма общее представление о психическом развитии призвано дать читателю определенный контекст, который при прочтении книги облегчит понимание рассуждений автора. Отметим, что теория психического развития человека — ядро культурно-исторической психологии — была разработана Л. С. Выготским на материале исследования совместного развития мышления и речи ребенка. Поэтому книга «Мышление и речь» обладает особой значимостью для последующего развития идей автора по сравнению с многими другими его работами.

Мне не кажется хорошей идеей пересказывать содержание книги, тем более что ее автор в последней главе сам излагает основные идеи работы. Скорее, мне хочется заинтриговать читателя перед прочтением, возбудить его

любопытство. И данная книга отлично к этому предрасполагает!

В повседневной жизни мы постоянно задействуем наше мышление, решая большое количество задач: от выбора подходящего товара в магазине до определения способа перехода через проезжую часть дороги. Также мы регулярно используем речь, обращаясь к другим или самому себе. Всё это кажется обыденностью. Однако без этих важных психических процессов невозможно было бы существование сколько-нибудь развитой человеческой культуры! Не было бы ни философии, науки, художественной литературы, ни экономики и политики...

При том культурном богатстве, накопление которого стало возможным благодаря способности человеческих существ к мышлению и речи, долгие века механизмы индивидуального психического развития оставались тайной, покрытой мраком. Как ребенок, уступающий на момент рождения по некоторым своим психическим показателям новорожденным высшим животным, впоследствии овладевает сложной системой языка и способностью выражать с его помощью свое осмысленное мнение на самые разные темы? Как он научается выявлять сущность окружающих его явлений и происходящих событий? Как появляется способность размышляя, говорить не вслух, а «про себя»? Всё это не может не вызывать удивления, если мы выйдем за пределы обыденного взгляда на человека.

Много исследователей пытались пролить свет на эти вопросы до автора данной книги, но именно в руках Л. С. Выготского оказался самый сильный источник света. Он первый показал, как генетически разнородные психические процессы — мышление и речь — на определенном этапе раз-

вития ребенка переплетаются и образуют единую структуру, переходя в новые удивительные формы существования, где слово сливается с мыслью.

Следует отметить, что работа Л. С. Выготского «Мышление и речь» предвосхитила и повлияла на дальнейшие исследования познавательных процессов человека, выполненных не только в русле предложенного им подхода, но и в рамках появившегося в 1950-е годы и столь популярного сейчас направления, как когнитивная психология.

Когнитивная психология дала миру большое количество научных открытий и сделала возможными многие прорывные разработки в области связи человека с цифровыми технологиями и искусственным интеллектом. При этом заметим, что исследования механизмов познавательных процессов и, в частности, мышления в когнитивной психологии тяготеют к рассмотрению этих процессов изолированно от других значимых сфер психики — потребностно-мотивационной, эмоционально-волевой, ценностно-смысловой. Поэтому до сих пор весьма полезным остается «методологический совет» Л. С. Выготского изучать мышление как продукт целостной личности: *«Сама мысль рождается из мотивирующей сферы нашего сознания, которая охватывает наши интересы, потребности и так далее, то есть ищет мотивацию»*.

Заинтересованный читатель, помимо содержания книги, сможет оценить и культуру мышления автора. Л. С. Выготский как бы вовлекает читателя в диалог, предлагая ему разобраться в выявляемых противоречиях и тем самым возвышая его до теоретика психологии. Восхищает последовательность автора и диалектический характер его мышления — он постоянно оперирует противоположностями,

то заостряя их, то вскрывая их единство и взаимопереходы. При этом перед читателем открывается не сухой текст со скучно описанными результатами исследования, а живой, полный эмоций и ярких оценок. Подчас Л. С. Выготский повествует как драматург, строя из анализа теорий и экспериментов некое подобие пьесы с экспозицией, конфликтом, кульминацией, разрешением... Автор как бы сгущает краски, чтобы потом дать читателю возможность пережить интеллектуальное озарение — инсайт.

При этом Л. С. Выготский следует заявленной методологии — анализируя психические процессы, он разделяет их как целое не на элементы (которые подобно атомам при разъединении молекулы утрачивают ее свойства), а на единицы (которые подобно клеткам организма сохраняют его основные свойства). Поэтому вдумчивому читателю тексты Л. С. Выготского могут стать не только интересными, но еще и полезными — они учат методологии исследования и культуре научного мышления.

Вместе с тем мне не хочется обнадеживать уважаемого читателя, у которого может сложиться впечатление, что чтение данной книги подобно легкой прогулке. Это отнюдь не так. У работ Л. С. Выготского достаточно высокий входной интеллектуальный и образовательный порог — даже с начальной психологической подготовкой читать их непросто. И не только из-за их интеллектуальной «нагруженности». Без знания историко-культурного и общетеоретического контекстов, в которых творил ученый, без представлений о круге его оппонентов, с которыми он часто полемизирует, текст может быть труден для понимания, а повествование местами может показаться затянутым. Сложность заключается еще и в том, что некоторые мысли в работе автор оставил недосказанными, а лишь подразумеваемыми.

Однако тех заинтересованных в предмете читателей, кого эти обстоятельства не смущают, ждет истинное интеллектуальное удовольствие!

Эта книга не даст советов и простых рекомендаций о том, как улучшить свое мышление или развить речевые навыки, но она откроет вам механизмы формирования психических процессов, которые во многом определяют наш человеческий облик.

Двойнин Алексей Михайлович
*кандидат психологических наук,
доцент департамента психологии
Национального исследовательского
университета
«Высшая школа экономики»,
эксперт Российской академии
образования*

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АВТОРА¹

Настоящая работа представляет собой психологическое исследование одного из труднейших, запутаннейших и сложнейших вопросов экспериментальной психологии — вопроса о мышлении и речи. Систематическая экспериментальная разработка этой проблемы, сколько нам известно, вообще не предпринималась еще никем из исследователей. Решение задачи, стоявшей перед нами, хотя бы с первичным приближением могло быть осуществлено не иначе как путем ряда частных экспериментальных исследований отдельных сторон интересующего нас вопроса, как, например, исследование экспериментально образуемых понятий, исследование письменной речи и ее отношения к мышлению, исследование внутренней речи и т. д.

Помимо экспериментальных исследований мы неизбежно должны были обратиться к теоретическому и критическому исследованию. С одной стороны, нам предстояло путем теоретического анализа и обобщения большого накопившегося в психологии фактического материала, путем сопоставления, сличения данных фило- и онтогенеза наметить отправные пункты для решения нашей проблемы и развить исходные предпосылки для самостоятельного добывания научных фактов в виде общего учения о генетических корнях мышления и речи. С другой стороны, нужно было подвергнуть критическому анализу самые идейно мощные из современных теорий мышления и речи для того, чтобы оттолкнуться от них, уяснить себе пути собственных поисков,

---

¹ Первое издание: Мышление и речь. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934.

составить предварительные рабочие гипотезы и противопоставить с самого начала теоретический путь нашего исследования тому пути, который привел к построению господствующих в современной науке, но несостоятельных и потому нуждающихся в пересмотре и преодолении теорий.

В ходе исследования пришлось еще дважды прибегать к теоретическому анализу. Исследование мышления и речи с неизбежностью затрагивает целый ряд смежных и пограничных областей научного знания. Сопоставление данных психологии речи и лингвистики, экспериментального изучения понятий и психологической теории обучения оказалось при этом неизбежным. Все эти попутно встречающиеся вопросы, нам казалось, всего удобнее разрешать в их чисто теоретической постановке, без анализа самостоятельно накопленного фактического материала. Следуя этому правилу, мы ввели в контекст исследования развития научных понятий разработанную нами в другом месте и на другом материале рабочую гипотезу об обучении и развитии. И, наконец, теоретическое обобщение, сведение воедино всех экспериментальных данных оказалось последней точкой приложения теоретического анализа к нашему исследованию.

Таким образом, наше исследование оказалось сложным и многообразным по своему составу и строению, но вместе с тем каждая частная задача, стоявшая перед отдельными отрезками нашей работы, была настолько подчинена общей цели, настолько связана с предшествующим и последующим отрезком, что вся работа в целом — мы смеем надеяться на это — представляет собой, в сущности, единое, хотя и расчлененное на части исследование, которое все целиком, во всех своих частях направлено на решение основной и центральной задачи — генетического анализа отношений между мыслью и словом.

Сообразно с этой основной задачей определилась программа нашего исследования и настоящей работы. Мы начали с постановки проблемы и поисков методов исследования.

Затем мы попытались в критическом исследовании подвергнуть анализу две самые законченные и сильные теории развития речи и мышления — теорию Пиаже и В. Штерна, с тем чтобы с самого начала противопоставить нашу постановку проблемы и метод исследования традиционной постановке вопроса и традиционному методу и тем самым наметить, чего, собственно, следует нам искать в ходе нашей работы, к какому конечному пункту она должна нас привести. Далее, нашим двум экспериментальным исследованиям развития понятий и основных форм речевого мышления мы должны были предпослать теоретическое исследование, выясняющее генетические корни мышления и речи и тем самым намечающее отправные точки для нашей самостоятельной работы по изучению генезиса речевого мышления. Центральную часть всей книги образуют два экспериментальных исследования, из которых одно посвящено выяснению основного пути развития значений слов в детском возрасте, а другое — сравнительному изучению развития научных и спонтанных понятий ребенка. Наконец в заключительной главе мы пытались свести воедино данные всего исследования и представить в связном и цельном виде весь процесс речевого мышления, как он рисуется в свете этих данных.

Как и в отношении всякого исследования, стремящегося внести нечто новое в разрешение изучаемой проблемы, и в отношении нашей работы естественно возникает вопрос, что она содержит в себе нового и, следовательно, спорного, что нуждается в тщательном анализе и дальнейшей проверке. Мы можем в немногих словах перечислить то новое, что